

²⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 17.

²⁷ См.: Coreth E. Was ist der Mensch? S. 59.

²⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 42, с. 159.

²⁹ См.: Plessner H. Die Stufen des Organischen und der Mensch. В., Leipzig, 1928, S. 341.

³⁰ См.: Coreth E. Was ist der Mensch? S. 79.

³¹ Ibid., S. 85.

³² См.: Гайденко П. П. Философия Фихте и современность. М., 1979, с. 111.

³³ См.: Coreth E. Grundfragen des menschlichen Dasein. Innsbruck, Wien, München, 1956, S. 84.

³⁴ См.: Киссель М. А. Учение о диалектике в буржуазной философии XX века. Л., 1970, с. 94.

³⁵ См.: Coreth E. Zur Beziehung zwischen Hermeneutik und Metaphysik. — In: Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft. München, 1971, S. 60.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

И. КАНТ

<Фрагменты из подготовительных материалов к «Метафизике нравов» (философия права)>

№ 7436, с. 374. Власть распространяется так далеко, как народ может решить относительно самого себя. Ибо государь — всегда представитель народа.

№ 7490, с. 410. При монархии больше равенства (среди граждан, — *пер.*), при демократии больше спокойствия среди себе подобных, т. е. больше субординации. При аристократии существуют партии, отсюда беспорядки, и все же отсутствие равенства.

№ 7522, с. 445—446. ...Из определения общества уже явствует, что члены общества должны иметь одинаковые права относительно друг друга. Это значит, что каждое суждение должно иметь ровно столько правовой силы, сколько и другое. Точно так же они должны иметь одинаковую силу принуждать друг друга. К равенству принадлежит равенство средств для того, чтобы следовать своему праву.

№ 7536, с. 448—449. Общественная личность, возникающая из гражданского договора, называется политическим телом, республикой. В нем все члены рассматриваются как взаимосвязанные, как облеченные высшей властью под названием суверена, как управляющие от [имени] его воли они суть государство. Каждый член [государства] республики как часть суверена называется гражданин, как часть государства — подданный. Члены государства в отношении друг к другу, поскольку они выступают в качестве субъектов ассоциации, называются народом.

№ 7537, с. 449. Никто не подчиняется другому, но каждый — целому; это значит, что он принадлежит к единству себе подобных.

№ 7564, с. 455. Общество законно, если оно не противоречит никаким правам; оно легально, если является основой взаимного права к объединению...

№ 7576, с. 459. ...Всякий договор, который противоречит человечеству, по природе своей недействителен. Ведь я не могу продавать себя или свои члены.

№ 7646, с. 476. В состоянии мира я нахожусь в безопасности благодаря моему праву. В естественном [состоянии] — благодаря ничему иному, как собственной силе; во всякое время я должен быть готов к войне; мне в любое время угрожают другие; итак, это юридическое состояние войны.

№ 7647, с. 476. Другие люди, находящиеся в естественном состоянии, наносят мне ущерб самим этим состоянием. Ибо мне самому не гарантирована безопасность, и моя собственность [находится] под постоянной угрозой. Я не обязан оставаться в этом [состоянии] страха.

№ 7648, с. 477. Можно быть принуждаемым к выходу из естественного состояния. Непозволительно сбрасывать правовое принуждение.

№ 7654, с. 478. Главный долг суверена — во всем, что касается как званий, так и намерений подданных, соблюдать равенство между ними. Ибо это равенство имеет место до общественного договора. Он [суверен] также возможен только благодаря этому [равенству], следовательно, он является условием законодательствующей власти. Он может, пожалуй, осуществить, таким образом, *различие власти* в реализации публичных указов, но в частной жизни не предоставляет никому никаких преимуществ. В *повинностях* также должно соблюдаться *равенство* их распределения. Никто не должен применять авторитет для того, чтобы *сделать другого счастливым*. Каждый делает себя настолько счастливым, насколько может, и при этом не имеет никакого обязательства перед другими.

№ 7658, с. 479. В делах религии и вообще мнений никто не является компетентным судьей, кроме разума людей или самого бога.

[Роль] внешнего судьи может заключаться лишь в том, чтобы он ограничивал свободу, которой обладает каждый, в той мере, в какой она не нарушала бы свободу других.

№ 7665, с. 482—483. Нет никакого права или собственности без закона. Но как раз тот самый закон, который запрещает мне посягать на нечто, чем в определенной форме и качестве обладает другой, должен также и мне обеспечить безопасность, т. е. и я в той, что является моим, должен быть защищен. Я могу быть лишь настолько принуждаем, насколько могу принуждать других. Следовательно, нет права без неодолимой си-

лы. Но, пожалуй, основы права и закона имеются до того, как возникнет эта сила, на которых следует учреждать законы. Этими основами права является как раз общественная воля *in potentia*, подобно тому как в государственных законах общественная воля [существует] актуально.

Итак, всякое право собственности берет начало только в гражданском обществе. То, что предшествует ему, суть право крайней необходимости, т. е. помощь — в случае нужды; т. е. право самосохранения, которое имеют животные и на котором основана безопасность, нарушать которую нельзя без того, чтобы не причинить себе опасности, и где каждый следует склонности...

№ 7680, с. 486—487. Высшая власть творит несправедливость и могла бы быть принуждаема при помощи силы. Подданные имеют право, но никакой дозволенной силы, и пользуются своей собственной, тем самым они не причиняют власти несправедливости, но это проявление формальной несправедливости. Они поступают вопреки форме общества и своему договору. Восстание подданных противоречит самому себе, а терпеливое повиновение — их счастью, что оказывается решающим.

— (они никогда не имеют права сопротивляться и все же сопротивляются, т. е. отказываются, чтобы над ними совершали морально непозволительное, и поэтому претерпевают все. Причина заключается в том, что человек — это зверь, который хорош только тогда, когда его принуждают, но и тот, кто должен принуждать, сам является человеком. С тем не случается несправедливости, кто в любой миг желал бы разорвать узы права).

№ 7681, с. 488. Основание общества произвольно, если люди в природном состоянии не находятся ни в какой связи. В таком случае они могут устанавливать друг для друга правопорядок только под влиянием собственной выгоды. Если же они находятся в сообществе, то каждый уже имеет в отношении другого право, и государственные установления оказываются теперь только средством для того, чтобы похоронить это право.

Все государственные установления исходят теперь или из *выгоды*, которая недостижима вне общества (выгода или ее ожидание должны находиться в безопасности в природном состоянии), или из *укрепления правопорядка*; первое образует *политическое*, второе — *моральное тело*.

№ 7683, с. 489. Право и справедливость должны быть в действительности. Если бы люди были добры от природы, тогда состояние *публичной справедливости* было бы естественным состоянием, если бы они были злы, т. е. вследствие этого право не обеспечивало бы им никакой безопасности, то это было бы состоянием *публичной принудительной справедливости*. Частное право принуждения не является состоянием справедливости.

Творения, не [имеющие] принуждения, не [находятся] в безопасности. Если бы существовало абсолютно доброе и пронизательное существо, которое было бы одарено [всею] неодолимой властью, существуй оно, оно должно было бы стать главой гражданского устройства. Как возможно [необходимо] у таких испорченных людей гражданское состояние. Тот, кто должен повелевать и принуждать, должен быть безукоризненным, и, если он таковым не является, может быть принуждаем. Основной закон суть не общественное благо, но общественная справедливость, но для достижения ее следует установить действительную публичную власть. Частое благо, т. е. [благо] граждан, не является объектом права, [таковым является] благо государства, которое заботится об их собственном счастье.

№ 7687, с. 490—491. Выражение, что деспотическое правление, если сам [деспот] мудр, т. е. искусен и одновременно добр, должно быть наилучшим, потому противоречиво, что, если бы он был таковым, то стал бы еще более несправедливым. Осуществлять управление лишь до тех пор, пока его можно проводить законосообразным способом, так как государство само собой управляет. Но способ правления или государственное устройство именно потому плохи, что качество управления зависит от единичной воли, будь она хорошей или нет.

Воля всех хороша всегда. Единичной воле еще можно быть злой. Ибо зло потому хочет чего-то особенного, что оно не единодушно со всеми и существует таким образом, что не выносит никакого результата в соответствии с правилами добра.

№ 7689, с. 491. Монарх управляет страной как государством, деспот — как провинцией. Первое патриотично. Второе подобно завоеванию.

№ 7713, с. 498. Должна быть неограниченная верховная власть: суверенитет. Только общая воля может обладать этой верховной властью. Она не может причинять несправедливости. Но исполнение судебного приговора не исходит от общей воли. Следовательно, оно может причинять несправедливость.

№ 7737, с. 504. Идея общественного договора является только направляющей нитью рассмотрения права и наставлением принцу для [достижения] наивозможно совершенного государственного устройства, но в соответствии с этой идеей народ не имеет никаких действительных прав.

Кажется вполне естественным, что, если народ имеет право, он обладает также и силой, но как раз потому, что он не может основать законообразную власть, он не имеет и строгого права, но только идеальное.

№ 7741, с. 504—505. 1. Долг вступать в общественное состояние, так как естественное состояние в общении между людьми является состоянием войны всех против всех, итак, взаимное оскорбление угрожает опасностью. 2. Волю всех [следует] рассматривать в качестве высшего закона, потому что

она не может поступать несправедливо. 3. С каждым правом связаны также публичные законы, [неодолимая] сила, чтобы каждому гарантировать его право.

№ 7742, с. 505. В каждом обществе должна быть верховная власть. Всеобщая власть, верховная власть должна иметь неограниченное право и всю полноту власти. Верховная власть, таким образом, могла бы не отличаться от народа. Так как последний не имел бы в таком случае никаких прав. Ибо, если бы он имел такое [право], в котором они оба могут нуждаться, без общезначимого суждения и силы, это могло бы быть.

№ 7747, с. 506. Если право короля происходит от насилия народа, то народ не может передать власти больше той, которой он сам обладал. Итак, следовало бы обладать суверенитетом для того, чтобы иметь возможность передать его другому. Теперь народ сам уже не может владеть или управлять собой, следовательно, он также не может уже передать эту силу другим. Люди могут отказаться в пользу других только от естественной свободы, но после этого они уже ничего не могут оставить за собой.

№ 7762, с. 509. Узурпатор всегда поступает несправедливо, но у народа нет против него права. Поскольку тот [узурпатор] обладает правом для того, чтобы повелевать, то это является принципом, в соответствии с которым следует судить обо всем, что касается поработенных.

№ 7771, с. 511. Без патриотизма правительства нет патриотизма подданного, (так как он состоит в том, что последний рассматривает себя в качестве члена, а не в качестве собственности государства). К правам подданного патриотического государства относится то, что он, при равенстве заслуг, которых он в состоянии достичь, добивается и равного со всяким другим достоинства. Итак, сам он не может принадлежать к имуществу других и быть крепостным другого частного лица. Как средство — свобода печати.

№ 7797, с. 519—520. Чем не может распоряжаться весь народ, тем не может [распоряжаться] и никакой суверен, например, отказаться от исследования религиозных вопросов и запретить свободу такого [исследования].

№ 7810, с. 523. Самозащита в естественном состоянии является единственным случаем крайней необходимости на деле, но в гражданском состоянии она не является ничем другим, как [поводом] для терпения (*ad patiendum*). Высшая обязанность касается гражданского целого. Если монарх в своих действиях больше его не представляет, то народ имеет против него право, в том случае, если он образовал без него гражданское целое. Так как при суверенном правлении этого не существует, то чернь не имеет никакого права, и каждый индивид поступает с народом не по праву, оспаривая основу гражданского союза. Поэтому, хотя суверен в качестве частного лица и не имеет пра-

ва представлять право, но и подданные также не имеют против него права принуждения, и при попытке восстания или бунта могут им, как главой государства или регентом, по праву наказываться; вследствие этого тогда прекратилось бы всякое самовольное осуществление действительного права в случае крайней необходимости.

Суверен имеет относительно себя презумпцию, что он всегда поступает честно. Тот, кто в подобном случае противоречит себе, имеет презумпцию против себя.

№ 7811, с. 523. Не тирану причиняется несправедливость восставшим народом, но управлению вообще и человеческому роду, если только он нуждается в средствах управления.

Если кто-то путем обмана присвоил свое или, напротив, возвратил [его], то он поступил не по праву. Сначала с покорностью позволяют установить над собой власть, после чего сбрасывают ее. Все, что не может возникнуть из искреннего заявления, является неправым, и даже угнетатель приобретает право наказания за постыдное вероломство тех, кто покоряется призраку своей власти.

№ 7813, с. 524. Народ только в качестве черни имеет право против государя, следовательно, только частное, но не публичное право... ...Подданный может иметь по отношению к государю право принуждения только тогда, если они оба находятся в естественном состоянии. Поскольку в гражданском состоянии они не являются взаимно субординированными.

№ 7815, с. 524. Спрашивается, может ли народ заключить с сувереном такой договор, чтобы предоставить себе право восстать против него. Тогда он должен был бы также противопоставить ему [свое] полномочие и присвоить себе [право] карающей власти.

№ 7846, с. 533. У монарха нет никакого права [там], где отсутствует сила, чтобы защитить подданного. Никакого права подданного без законосообразной власти, чтобы отстаивать его.

Монарх не имеет права [в подобном случае] повелевать, но подданный не имеет права противоречить этому повелению. Ибо гражданское состояние не должно прекращаться. В гражданском состоянии не может быть иного способа достижения своего права, кроме как посредством постепенного движения. И здесь нет судьи. Успех создает здесь новое право.

Поэтому при князе не все должно называться правом, поскольку подданному нужно повиноваться.

№ 7983, с. 573. Чего не может делать народ, того не может делать также никакой суверен. Он не может администрировать и судить, потому что тогда одна часть [общества] могла бы решать за другую и, тем самым, могла бы поступать несправедливо; но все же никто не стоит над тем, кто обеспечивал бы

каждому его право. Он может издавать законы, ничего более. Другие находятся под его величием.

Народ может назначать на должности отдельных личностей при условии, которое должно быть ими принято, [что], если ему, [народу], это будет угодно, но он не может судить и наказывать. Ибо в первом случае служащий может с этим согласиться, во втором — нет.

№ 7989, с. 574—575. ...Но тот может поступать несправедливо, кто так владеет верховной властью, что захватывает ее всю, но, поскольку он является главой правосудия, то каждый поступает несправедливо, кто снова нуждается в его власти. Итак, в качестве главы государства он всегда прав, хотя как человек неправ.

Подданные, оказывая сопротивление суверену, сами вредят своей безопасности, ибо она является основой их гражданского договора, при изменении которого путем собственного насилия, они, поскольку этому [договору] оказали сопротивление, не находятся в безопасности. Даже по отношению к узурпатору, если он имеет всю полноту власти, хотя и поступает несправедливо с претендентом на престол, народ не имеет права сопротивления, ...так как он хотел бы получить всю полноту власти, но без отставки суверена, то в одно и то же время могло бы существовать два суверена или он не имел бы ее, но тогда не было бы вовсе подлинного законодателя, поскольку власть предшествует закону.

№ 7991, с. 575. Но что должен был бы сделать суверен, если бы он действительно предоставил народу влияние на законодательство, а также [соответствующую] силу, следовательно, хотел бы превратить себя из суверена в монарха: он должен был бы позвать весь народ и посоветоваться с ним об этом; иначе при разделении верховной власти уверенность многих за свои права могла бы пострадать.

№ 7992, с. 575. Нет никакой возможности представить себе конституцию, в которой народ получил бы закономерным образом право обсуждать, судить и смещать суверена, да хотя бы в малом ограничивать его. Ибо они [люди] должны были бы иметь для этого силу, но и при этом был бы возможен только один суверен, так что первый уже не был бы сувереном.

№ 8043, с. 590—591. Народ не может присвоить себе свою свободу путем мятежа, но только через предоставленное ему конституцией право, если высшая власть нарушает фундаментальный договор, а именно не через новую ...власть, но посредством той, которая имела всегда в соответствии с фундаментальным договором, в соответствии с законом, который определил эту [власть] вместе с ее ограничениями, так что высшая власть во всякое время остается непрерывной по форме государственного устройства и не приводит к наступлению естественного состояния, так как при нем он перестает быть наро-

дом; это не закон, не высшее начало, по отношению к которому повиновение является долгом. Мятежник, поскольку он нарушает право государя, является бунтарем. Не всякий мятежник — бунтарь, именно не тот, кто уклоняется от повиновения тому властелину, который сам разорвал фундаментальный договор. Ибо он не поступает с ним не по праву, но все же он может совершить несправедливость, принимая во внимание право народов вообще [соблазн международного права] тем, что он ослабляет или уничтожает уважение перед гражданским законом, на котором покоится благо общества. Как только соглашаются со всеобщим мятежом народа, он [этот мятеж] становится основой того, что прекращается долг к повиновению, но так как, поскольку никто уже не имеет права находиться на месте смещенного государя в роли законодателя или правителя, то невозможно требовать никакого повиновения, таким образом могло бы возникнуть естественное состояние, и тот, кто в соответствии с конституцией защищает права народа, должен быть всегда ограничен как правитель — частично в законодательстве, частично в управлении. Но тогда он также должен обладать властью, по отношению к которой он обязан требовать повиновения, ибо он должен иметь возможность защищать ее. Но тогда это также не мятеж, ибо сопротивление является законным. Где подобного не заложено в конституции, там народ предается доброй воле своей верховной власти, и каждый мятеж должен оцениваться как несправедливость не только против государя, но и против народного права вообще, и [мятежник] может быть наказан от имени народа, ибо то, что никто, кроме государя, не имеет полномочия приказывать, путем восстания ведет к естественному состоянию. — Все, что происходит путем мятежа, противоречит государственному праву.

№ 8045, с. 591. Всякое улучшение государства путем революции несправедливо, поскольку основа этого не находится в правах предыдущего состояния и, следовательно, между существующим и следующим за ним наступает естественное состояние, поскольку отсутствует всякое внешнее право. — Как раз подобное имеет место в религиях. Ни одну из них, кроме протестантской, нельзя еще назвать реформированной в отношении узурпации совести одним авторитетом, и право такой непрерывной реформы доставляется свободой.

№ 8046, с. 591—592. Народ непременно должен быть представлен и, как таковой, иметь не только право сопротивления, но и силу для того, чтобы без мятежа вернуть свою свободу и быть в состоянии отказать регенту в послушании. Собственно говоря, это можно назвать следующим образом: народ ни на одно мгновение не должен прекращать создавать целое, ибо иначе все это будет происходить путем мятежа, т. е. при помощи узурпированной власти, которая не может быть перенесена на кого-нибудь на законном основании. Итак, он должен был

быть представлен, если он может на законном основании отчуждаться и сопротивляться.

Может случиться, что, если государство изменило свой способ правления, оно в то же время могло бы оказаться слабым перед своими соседями. В этом вопросе толпа не имеет права голоса, поскольку ей безразлично, кому она принадлежит, но государство хочет сохранить себя и должно сохранить себя.

Власть — это подчинение воли одной личности или многих абсолютному произволу единичной воли (это могла бы быть единичная личность или объединение многих). Всякая власть фактически узурпируется, но юридически она должна быть конституционной. Потому что узурпируется только право, которое приобретено без договора или по ошибке других. Власть над людьми суть такая вещь, которая как *res iacens** нуждается во владельце, так как люди только в обществе, подчиненном законам, могут существовать правомерно (это и есть статус человека), и они захватываются первым же владельцем как никому не принадлежащая вещь. Со временем власть становится конституционной; и хотя она только узурпируется, все же она должна все это время уважаться. Власть над слугой или крепостным не является конституционной по своей природе, но захватывается или военным путем, или по праву давности и должна когда-нибудь стать конституционной. Нет никакой конституции там, где только один издает законы, а другие пассивно подчиняются им. Но так как всем обсуждениям формы конституции должно предшествовать объединение в одно целое, что должно быть осуществлено отдельными [индивидами] в соответствии с определенным планом, который объединяет предложения, то всякое восстановление бывшей и теперь упраздненной конституции является снова лишь узурпацией (*per turbas aqitur*)** , а приобретение верховной власти путем восстания во все времена является узурпацией.

Верховная власть по своему понятию неограниченна. Но она может возникать из взаимного ограничения воли тех, кто обязаны повиноваться закону, в то время как они его одновременно и устанавливают. Тогда это патриотическая власть. Если какая-то воля, которая не является волей целого, неограниченна, то это деспотизм, будь то деспотизм дворянства, всего народа или принца.—Рабство монгольских народов через посредство татар и арабов поставило свободу под угрозу.

№ 8048, с. 593. Наконец, спрашивается, если суверен созывает всю нацию и позволяет ей полностью представлять себя, то сохранит ли он в то же время права суверена? Он больше не был представителем, наместником, с ним народ не заключал договора, но просто поручил ему свои права, чтобы он их предста-

* Вещь, юридическое состояние которой неопределенно.

** Возбуждение путем переворота.

влял. До тех пор, пока он это делал, он мог препятствовать всем движениям народа, поскольку они направлены к объединению. Но, если он однажды созовет и организует их, то его авторитет не только уменьшится, но может даже исчезнуть совершенно, как уважение каждого представителя в случае, если присутствует его доверитель.

№ 8049, с. 593. Между сувереном и народом не заключается никакого договора, который бы содержал условие, несоблюдение которого давало бы право одной части его ликвидировать. Поскольку в уступке всемогущества уже содержится уведомление обо всех полномочиях к сопротивлению. Следовательно, это не контракт, но благотворительный договор (не контракт, который, выраженный публично), был бы непозволительным. Следовательно, он является тайным, потому что народ чувствует себя неспособным для того, чтобы владеть собой.— Но если монарх в качестве суверена чувствует себя не в состоянии сохранить государство и призывает народ в лице его представителей сохранить государство, то это снова не контракт, а низложение его достоинства, так как он был только представителем народа.

№ 8050, с. 593—594. Суверен, если он тиран, поступает также несправедливо, и, следовательно, с ним не случается никакой несправедливости; он утрачивает все претензии, если его изгоняют, но народ не имеет права изгонять его. Обе стороны в подобных случаях поступают несправедливо, хотя ни одна из них не причиняет несправедливости другой.

№ 8051, с. 594—595. Все дозволено там, где вновь отсутствует внешний закон, и нет никакого внешнего закона без того, чтобы не был конституирован компетентный судья, который благодаря этому судил бы, и власти, чтобы принуждать в соответствии с ним. Итак, над сувереном не может быть никакой судебной власти и никакого законосообразного принуждения, ибо, подчиненный этой власти, он не был бы сувереном. Следовательно, нельзя найти никакого внешне действительного закона, который ограничивал бы суверена. У народа нет права, которому соответствовал бы также внешний закон, и тайные права, которые не могут быть декларированы во внешних законах, суть узурпации. Власть над сувереном, таким образом, в любое время противоречит основным принципам всякого гражданского устройства. Но все подданные все же могут быть объединены повиновением законам, которые ограничивают власть монарха, и возможен суд, который обсуждает и судит их поступки, совершаемые по приказу суверена. Таким образом, его можно избавить от всякого повиновения. Но спрашивается, не перестает ли он быть верховным повелителем? Да, но он возвращается в естественное состояние и, так как государство все-таки нуждается в верховном повелителе, то тот, в котором нуждаются, должен жить в качестве подданного или покинуть страну.

[Где] народ не имеет таких прав, там не позволительно применять власть против монарха. Поскольку установлено, что он опирается на свое естественное право, то оно также должно иметь возможность стать гражданским законом, и должно им стать, так как гражданское устройство должно содержать все права народа и суверена. Народ, таким образом, отказался от своего права и пренебрег им, поэтому утратил право. Но поскольку власть может лишиться народ возможности делать это, то кажется, как будто он также имеет право на власть. Но власть, от которой не исходит никакого имеющего законной силы суждения, не законосообразна, следовательно, ей невозможно сопротивление, кроме тех случаев, которые не в состоянии привести к гражданскому союзу, например, в религиозном принуждении. Принуждение к неестественным прегрешениям: убийство.

№ 8055, с. 595—596. Во Франции Национальное собрание смогло изменить конституцию, хотя оно было создано только для того, чтобы привести в порядок систему кредитования нации. Ибо оно было представителем всего народа, когда король позволил декретировать неопределенные полномочия. Прежде король представлял народ, здесь он был, таким образом, уничтожен, поскольку присутствовал сам народ. Относительно Великобритании нельзя сказать, что король там представлял народ, но он в единстве с сословиями образует народ и является относительно его первым среди равных. Несчастье короля, таким образом, после того как он позволил однажды собраться всем народным депутатам, происходит прямо из его суверенитета, он стал после этого ничем, ибо его законодательная власть основывается только на том, что он представляет весь народ; отсюда выясняется также неправомерность единичной личности в качестве суверена. Он не может сознаться, что тот, кого он репрезентирует, представлял бы себя сам. Так как он представляет целое, то он становится ничем, если позволяет этому целому, представителем которого, а не частью, он является, представлять себя самому. Будь он частью, без его согласия целое бы не имело места и не возникла бы общая воля, которая является высшей законодательницей. Но не может ли суверен создавать также сословия? Да, но только для того, чтобы обсуждать права, которые имеет одно сословие относительно другого касательно всеобщей воли короля, и тогда король имеет там третий голос. Итак, объединение сословий было как раз тем, что подняло силу против короля.

[Национальное] собрание было призвано к тому, чтобы спасти государство, покрыв своими гарантиями все возложенные на него правительственными расходами долги (а не просто выступать с проектами). Оно должно было, таким образом, добровольно поручиться своим имуществом (т. е. оказаться в положении, в котором только оно могло бы распоряжаться своей собственностью, следовательно, в состоянии свободы, правда [подчиненной] законам, но таким, которые оно само давало бы, т. е.

в республиканском или свободно-гражданском), и двор тогда имел бы право отказаться обвинять его. Но этим оно могло бы создать таких граждан, создать такую конституцию, которая смогла бы властвовать над ними без насилия.

Перевод Н. Н. Голиковой и Е. А. Голикова.
Публикация Е. А. Голикова.

Е. А. ГОЛИКОВ

К материалам по философии права И. Канта. Послесловие.

В завершенных и опубликованных работах И. Канта тема социальной революции занимает относительно скромное место, а в тех немногих высказываниях о праве народа на сопротивление деспотической власти, путях и формах социально-исторического развития и оценках собственно революционного преобразования общества внимание читателя чаще останавливается на тех высказываниях философа, в которых заключается осуждение революционного пути развития общества. Обычно в качестве доказательства безоговорочно отрицательного отношения Канта к революции ссылаются на нравственно-юридическую аргументацию против революции, развиваемую мыслителем в таких работах, как «О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» или в «Метафизике нравов». Действительно, вопрос о том, был ли Кант, совершивший, по всеобщему признанию, революцию в философии («коперниковский переворот»), в то же время и сторонником социальной революции, не только не имеет простого и однозначного ответа, но и нуждается в известном уточнении. Во-первых, можно спросить, каким было отношение Канта к тем революционным событиям, очевидцем которых ему довелось быть? Во-вторых, в какой степени философ осознавал теоретическую значимость проблемы революции для своей собственной системы? И, наконец, каково объективно место проблемы революционного преобразования в социально-политических и философско-исторических взглядах Канта, насколько логически необходима данная категория для политико-правового учения кенигсбергского мыслителя? Нередко встречающиеся утверждения о неревolutionности Канта не учитывают ни бесспорно положительного отношения мыслителя к реальным историческим революциям — североамериканской и французской, ни практической и теоретической значимости проблемы революции для социальной философии вообще и для кантовской — в частности. Временами ловишь себя на мысли, что за упорным нежеланием некоторых исследователей видеть в Канте «революционера» скрывается нечто большее, чем просто неумение добраться до сути написанного, а именно отношение к самому феномену.

С известным основанием можно утверждать: если руководствоваться убеждением, что революция — зло, то в социальной философии Канта многого, если не основного, понять невозможно. Именно по этой причине попытки истолкования социально-политических воззрений Канта, предпринимаемые с консервативно-буржуазных позиций, оказываются теоретически беспомощными: никакая эрудиция и прилежание не могут заменить правильного метода. В частности, попытки выдать нравственно-юридическое осуждение Кантом отдельных аспектов революции, именно революции политической, за антиреволюционность вообще, не учитывают важнейшего, пожалуй, в отношении философа к данной проблеме, того, что «в развитии революционных событий 1789—1794 гг. Кант увидел прежде всего трагедию незрелого политико-юридического идеализма, крушение недостаточно строго и формально воспринятого «правового идеала»¹. Иными словами, по мнению автора приведенного высказывания, Э. Ю. Соловьева, Кант осуждает революцию во Франции не за то, что она революция, а за то, что она недоста-